

УДК 94(47)

ДОСУГ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XVIII - ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

© 2022 А.Б. Бирюкова

Самарский государственный технический университет

Статья поступила в редакцию 08.04.2022

На материалах Среднего Поволжья изучены досуговые практики и культура развлечений городского населения российской провинции конца XVIII - первой четверти XIX в. Выбор форм досуга обуславливался принадлежностью горожанина к определенной социальной, гендерной и возрастной группе, а также социокультурному сообществу, с которым он себя идентифицировал. Рассмотрены модернизированные и традиционные формы досуга и развлечений.

Ключевые слова: город, Среднее Поволжье, досуговые практики, культура развлечений, театр, цирк, ярмарки, хоровое пение, бал, рекреационные зоны, питейные дома, фейерверки.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-5-17

Новейшая историческая урбанистика является сферой пересечения самых разнообразных методологических подходов и исследовательских направлений. Существенное влияние на нее оказывают новая социальная история, новая культурная история, новая локальная история. Городское пространство выступает в качестве поля, в котором протекают социальные действия и взаимодействия акторов, осуществляющие посредством социальных институций социальные практики, в ходе которых происходит смысловой обмен.

В рамках изучения социальных практик жителей раннеиндустриального города Российской империи не последнее место занимает тематика досуга и развлечений. Помимо научных публикаций, продолжающих этнографическую линию изучения русской городской праздничной и досуговой культуры, заложенную в работах М.Г. Рабиновича и А.Ф. Некрыловой¹, можно назвать ряд исследований, выполненных в рамках изучения истории и культуры повседневности русского города конца XVIII - XIX века².

Анна Борисовна Бирюкова, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук. E-mail: annabir@mail.ru

Знаковым событием в исследовании обозначенной тематики стало издание сборника статей «Развлекательная культура России XVIII - XIX вв.» (2001 г.). В авторских материалах сборника, объединенных теоретико-методологическим подходом, прослежена эволюция форм и парадигм досуговой и развлекательной культуры более чем за два столетия – от государственной праздничности начала XVIII века до модернизированных форм досуговых практик конца XIX столетия.³

В большей степени обозначенная тематика в региональном контексте изучена на материалах второй половины XIX - начала XX в. На фоне значительного числа публикаций, выполненных в рамках эмпирического подхода, выделяется монография казанского исследователя С.Ю. Малышевой, посвященная трансформации досуговой культуры российского общества в условиях формирования потребительского общества и зарождения массовой культуры.⁴ Культура досуга и развлечений горожан-провинциалов первой половины XIX века представлен в весьма немногочисленных публикациях.⁵ Среди них следует выделить изыскания А.И. Куприянова⁶ и Ю.Н. Смирнова⁷. Опираясь на

материалы корреспондентов Императорского русского географического общества (ИРГО), исследователи (независимо друг от друга) обратились к проблеме трансформации традиционных общественных праздничных обрядов, бытовавших в городской дореформенной провинции. На основе краткого историографического обзора можно сделать вывод о том, что досуг и развлечения горожан-провинциалов средневожских губерний в первой четверти XIX века еще не становились темой подробного самостоятельного исследования.

Основу источниковой базы настоящей публикации составили: материалы столичной периодики (газета «Северная почта», выходившая с 1809 г. по 1819 г.); источники личного происхождения, дневники и воспоминания провинциальных чиновников различных рангов и статусов (И.А. Второв, И.И. Мешков, Ф.Ф. Вигель, В.А. Инсарский, К.И. Попов)⁸, столичных гостей (Д.Н. Свербеев, И.М. Долгоруков)⁹, пленных офицеров (Ф.Ю. Зоден)¹⁰, провинциальной дворянки (А.И. Стрелкова¹¹); исторические записки, составленные корреспондентом ИРГО, учителем русского языка Самарского уездного училища Г.Н. Потаниным «Дедушка из Самары» и «Записки о Самаре»¹² (введены в научный оборот Ю.Н. Смирновым и Л.М. Артамоновой)¹³; материалы департамента исполнительной полиции МВД и документы из фонда канцелярии пензенского губернатора о работе местного театра¹⁴.

Степень влияния государства на изменение досуговых практик и праздничной культуры горожан в средневожской провинции в конце XVIII - первой четверти XIX в. была выражена не так отчетливо, как, к примеру, в северной столице. Города, обладавшие одинаковым административным статусом, могли существенно отличаться характером своего социально-экономического и социокультурного развития, что, несомненно, влияло на сферу досуга и развлечений. Одним из важнейших аспектов проблемы является вопрос о соотношении в ней традиционных и модернизированных

практик, их укорененности в городском провинциальном социуме.

Весьма интересные результаты обнаруживаются при изучении этимологии основных понятий, связанных с исследуемой темой. Термин «досуг»/ «досужий» в конце XVIII века имел два значения: 1) «способности к достижению, преуспеванию», 2) «свободное, езанятое время, простор от дела».¹⁵ При этом досуг трактовался как «приятное время препровождение», независимо от того, чем он фактически наполнялся в различных стратах городского социума. Можно согласиться с мнением О.А. Кострикиной в том, что «повседневный досуг был более приватен, индивидуализирован; формы проведения свободного от работы времени во многом определялись принадлежностью к определенной социальной и половозрастной группе»¹⁶.

Для дворянства и чиновничества комфорт городской жизни в немалой степени ассоциировался с удовлетворенностью в сфере досуга и развлечений. Слова «развлекать» и «развлечение» укореняются в русском языке в XVIII веке и являются словообразовательной калькой с французского «divertissement»¹⁷. Вместе с тем в источниках «долгого XVIII века» встречается другой семантический набор слов: «увеселение», «удовольствие», «наслаждение». К примеру, провинциальная дворянка А.И. Стрелкова пишет о Самаре начала 1830-х годов: «В Самаре я не нашла того *удовольствия* (здесь и далее курсив мой. – А.Б.), которого ожидала, и хотя мы поместились в одном из огромных лучших домов города. [...] Я сделалась уединенной, балы и собрания меня *не увеселяли*, а к чести общества сказать, в них недостатка не было»¹⁸.

Примечательно, что тот же семантический ряд встречаем в описаниях интеллектуального досуга – чтения книг и самообразования. В дневнике юного симбирского, а затем самарского чиновника И.А. Второва записи, датированные 1790-ми годами, пеэстрят подобными выражениями: «Посетили меня по вчерашнему обещанию дражайшие

для меня гости: господина учителя Тихонравов и Веревкин; они сидели у меня до самых сумерек. *Вот время было приятнейшее!* Умными разговорами и рассуждениями, также чтением некоторых пьес из книжек сумели они *сократить время почти не приметно*¹⁹. В другом месте он пишет: «Если бы был у меня особый покой, где никто не мог помешать мне *наслаждаться науками*, как любезною мне охотою, в сем милом уединении, постарался бы я воздержаться от всех дурных привычек...»²⁰.

Следует отметить, что дневники и воспоминания И.А. Второва свидетельствуют о вхождении в сферу досуга провинциального чиновничества новых интеллектуальных практик – чтения, письма (ведение дневников), литературного и научного творчества. Безусловно, этому способствовало появление соответствующей инфраструктуры в городах региона – создание народных училищ, возникновение первых типографий и книжных лавок. При главных и малых народных училищах, возникших в 1780-90-е годы, появились небольшие библиотечные собрания. В Симбирске, к примеру, такой библиотекой пользовались учителя, ученики и ограниченный круг горожан²¹. Саратовский чиновник И.И. Мешков, принадлежавший к тому же поколению, что и И.А. Второв, также в юношеском возрасте увлекался чтением, однако его занимала литература иного рода – сначала религиозная, а затем развлекательная светская. Особый интерес он проявлял к изучению законодательства. «Учреждение об управлении губерний» так увлекло юношу, что он «списал ее своею рукой и знал почти всю на память»²².

И.А. Второв, страстно желавший заниматься науками и литературой, под влиянием старших товарищей-учителей приобщался к иным способам времяпрепровождения, нежели было принято в кругу провинциальных чиновников. Весь досуг молодого человека был сосредоточен на интеллектуальном общении со своими друзьями-наставниками: «Часу в 4-м пошел к учителю Шутихину и пробыл тут до

ночи вместе с господами Zubовым, Цветковым и Тихонравовым (учителя Симбирского главного народного училища. – А.Б.). Сей последний, по просьбе моей, пошел ко мне и с ним мы сидели, *упражняясь чтением*»²³. В это же время формируется его особое отношение к книгам. Так, 24 октября 1792 г. в дневнике И.А. Второва записано: «Ныне после обеда был я у г. Тихонравова, учителя, где с час или более, *занимались рассматриванием книжек и, напившись чаю*, вышли с ним вместе; я отсель зашел к Степану Ивановичу (И.И. Иванов - симбирский поэт-любитель. – А.Б.), и с ним были в лавке, где продавали книги, а потом у меня ввечеру *занимались рукоделием книг*, т.е. обделывали их переплетом»²⁴. В приведенном отрывке важно перечисление всех занятий молодых людей, включая чаепитие. Отметим, что среди уездных приказных конца XVIII в. подобные досуговые практики были крайне редки. Даже чаепитие было весьма диковинным занятием²⁵, не говоря уже о чтении вслух или переплетном деле.

Образ жизни И.А. Второва вызывал у его семьи и коллег по цеху недоумение и даже издевки. Сам же молодой чиновник оказывался «между двух огней» – желанием самосовершенствования, интеллектуального и духовного, и устоями провинциального чиновничьего мирка, наполненного мздоимством и «поклонением Бахусу». Вместе с тем к середине 1820-х годов в связи с качественным изменением социокультурной инфраструктуры в городах региона, в первую очередь с увеличением каналов поступления печатной продукции, наблюдалась совершенно иная картина. В городском сообществе как губернских, так и уездных центров сформировалось несколько групп читателей, включая провинциальное чиновничество. В.А. Инсарский писал о конце 1820-х годов: «Во времена моего детства чтение едва ли не составляло главного удовольствия моих сограждан. Все постоянно спрашивали друг у друга: нет ли книжки почитать?»²⁶.

Досуг чиновников низшего и среднего звена зачастую был ограничен как продол-

жительностью трудового дня, так и огромным количеством служебных бумаг, которые они часто забирали домой для переписывания. К примеру, рабочий день чиновников, служивших в канцелярии саратовского губернатора, длился не менее 9 часов (с 9.00 до 14.00 и с 18.00 до 22.00), «не исключая табельных и праздничных дней»²⁷. Время, свободное от работы, приказные чиновники в большинстве своем проводили «в праздных мероприятиях» – выезды на охоту, рыбалку, которые не обходились без злоупотреблений горячительными напитками. В.А. Инсарский, сын пензенского уездного казначея, описывая время своего отрочества, свидетельствовал о тотальном пьянстве, царившем в 1820-е годы в среде провинциального чиновничества: «Пьянство моей родины имело свои степени и подразделения. Люди, стоящие на вершине среднего круга, и вроде моего отца, пили очень осторожно, в тесных приятельских сходках, преимущественно в дни праздников или различных именин. ... Люди, следующие за этими лицами, которых можно назвать их помощниками, ... пили уже много бесцеремоннее, но все-таки ... старались держаться некоторых приличий, некоторой умеренности ... остальная часть служебного мира пьянствовала уже без всякой меры...»²⁸.

Посещение питейных заведений было излюбленным способом «досуга» чиновников низших рангов, мещанства и отставных солдат. Пензенский губернатор Ф.П. Лубяновский докладывал в 1821 г. в департамент исполнительной полиции МВД: «Во всех почти городах Пензенской губернии, не только уездных, но и губернском, ... многие дома питейные устроены среди площадей. ... Иные из них от церквей слишком близко поставлены...»²⁹. В 1821 г. питейные заведения были разделены на пять классов (трактиры, харчевни, гостиницы, рестораны, кофейные дома), определены правила их работы и размещения в городах³⁰. Так, на 1825 год наибольшее число трактиров и питейных домов было в губернских центрах Саратове (16 и 21 соответственно), Пензе

(7 и 24), Симбирске (6 и 19). Среди уездных центров абсолютным лидером по числу питейных заведений был крупнейший транспортно-транзитный и торговый центр юго-востока России – посад Дубовка (3 трактира и 32 питейных дома), потребность которого в подобных заведениях объяснялась огромным количеством пришлового населения, особенно в период навигации³¹.

Один из часто посещаемых трактиров Пензы находился недалеко от присутственных мест, что позволяло местной чиновничьей братии «бегать туда быстро и незаметно по несколько раз в день». Игра на бильярде и запрещенные карточные игры были частью досуговой повседневности завсегдатаев трактиров³². «Все свободное время, когда только было можно, я проводил в трактирах, сам играл или смотрел на игру других ... прихватывая сюда и значительную часть времени несвободного. Все денежные крохи, какие попадались в мой карман, шли на бильярдную игру», – вспоминал В.А. Инсарский³³.

Отметим, что картины публичного «пьяного» досуга чиновничьей братии не следует экстраполировать на досуговые практики всего городского социума. В первом десятилетии XIX века питейные заведения практически полностью отсутствовали в уездных городах Симбирской губернии³⁴. А самарский старожил вспоминал, что первый трактир в городе открылся примерно в 1815 г., и его посещение среди «городских граждан» долгое время считалось «за великий позор и неблагонаравие». В этом кругу было принято употреблять домашние спиртные напитки – пиво, наливки, медовуху и принимать гостей дома³⁵. Бытование различных форм досуговой культуры свидетельствовало о наличии в городском социуме конца XVIII - первой четверти XIX века различных ценностно-нормативных систем и жизненных укладов.

Развлекательная культура и формы досуга в дворянской среде развивались в контексте освобождения дворян от обязательной государственной службы. Для дворянина,

живущего в усадьбе, город ассоциировался с атмосферой праздника и веселья. Некоторые элементы поместной дворянской культуры развлечений переносились в города. Дворянство приезжало сюда зимой, устраивало балы, маскарады, домашние спектакли и вечера. М.М. Сперанский в бытность свою пензенским губернатором (1816-1819 гг.) писал дочери: «Вот другая неделя, как я здесь, и каждый день на званом обеде, где редко бывает менее 50 человек. ... Обедом и пирам я конца не вижу. Зима угрожает театром, балами и собраниями»³⁶.

Бал являлся одним из базовых элементов развлекательной культуры русского дворянства. Разгар бального сезона в городах был зимой. Балы следовали нескончаемой чередой от Рождества до Великого поста. Развлечения не прекращались и во время дворянских выборов, проводившихся один раз в три года. Бал мог выступать в качестве своеобразного маркера внутренних социально-политических настроений и распределений «партий» внутри дворянского сообщества города. Балы обязательно давались дворянским предводителем и губернатором, которые зачастую конкурировали друг с другом. В Саратове до 1804 года³⁷, пока не было приобретено здание дворянского собрания, балы устраивались в домах местных дворян, которые «пикировались ... тем, у кого на бале больше собрания было, и у кого танцевали больше»³⁸.

В первой четверти XIX в. далеко не все уездные дворянские собрания располагали собственными домами. Так, к примеру, в Самаре дворянскому собранию разрешено было разместиться в здании уездного училища, которое было подарено почетным попечителем училища и самарским уездным предводителем дворянства А.А. Путиловым в 1825 году³⁹. Собрания, балы и танцевальные вечера в училищной зале проводились по вечерам, когда не было занятий. На танцевальные вечера допускались даже дети и подростки. Так, девятилетний Николай Второв (сын И.А. Второва) отмечал в дневнике за 17 декабря 1827 г.: «В вечеру я был в Собрании.

Там я танцевал экосез, вальс, соваж, мани-маску и проч[ее]»⁴⁰. Чиновники средней руки, устраивая танцевальные вечера в своих скромных жилищах, приглашали группу музыкантов – скрипача, флейтиста и иногда контрабасиста. Фортепьяно в этот период не было распространено в домах горожан. Н.И. Второв вспоминал, что он учился игре на разных инструментах: гитаре, флейте, стеклянной гармонике, скрипке⁴¹.

Именно в музыкальной культуре на локальном уровне проявлялся колорит городской культуры повседневности. Помимо светской камерной музыки, бытовавшей в среде губернского дворянства и верхней страты чиновничества, далеко не последнее место отводилось хоровой музыке. В.А. Инсарский отмечал, что «Пензу ...можно было принять за обширную консерваторию, где все беспрерывно пели»⁴². Почитателями хорового пения были купцы, мещане и чиновники, многие из которых были выходцами из духовного сословия. Духовная музыка была важной составляющей культуры повседневности этой части городского общества, в меньшей степени испытывавшей европеизированное влияние Северной столицы. Церковные ктитория и регенты «охотились» за тенорами и басами, а паства нередко обсуждала все нюансы «концерта», «как ловко взял бас» и «как ловко взвился тенор». На фоне всех остальных церковных хоров особо выделялись архиерейский хор и хор пензенской духовной семинарии⁴³. По словам мемуариста, «любовь к церковному пению рождала любовь вообще к пению и самими духовными хорами исполнялись многие светские вещи; ... Пензенский архиерейский хор щеголял особенно исполнением известной пушкинской баллады «Гляжу я безмолвно на черную шаль» (точное название романа «Гляжу как безумный на черную шаль», муз. А.Н. Верстовского. – А.Б.)»⁴⁴. Столь яркая черта культуры повседневности пензяков отчасти объясняется тем, что с конца XVIII в. Пенза являлась центром обширной епархии. Здесь находилась архиерейская кафедра, была открыта

духовная семинария (1800 г.), поэтому численность духовного сословия (а также выходцев из него) была выше, чем, например, в Саратове (2,1% в 1826 г.)⁴⁵.

Страстью всего провинциального общества был театр. Заслуга появления театров в провинции, в том числе и общедоступных, принадлежала исключительно дворянству. С конца XVIII в. театры появились не только в усадьбах, но и в губернских городах. Местные высокопоставленные чиновники – вице-губернаторы и губернаторы, оказывали им покровительство, а зачастую и сами выступали в роли организаторов первых театральных постановок. Так, в 1793 г. по инициативе пензенского вице-губернатора И.М. Долгорукова в его театре на 100 мест была поставлена пьеса Екатерины II «Обманщик».⁴⁶

Выделялись коммерческие театры, например, театр Г.В. Гладкова, базировавшийся сначала в Саратове (с 22 октября 1803 г.), а с 1806 г. – в Пензе, и частные дворянские театры (к примеру, театры пензенских помещиков П.А. Горихвостова и В.И. Кожина)⁴⁷. В Симбирске на рубеже XVIII-XIX вв. было несколько театров⁴⁸. Наибольшей известностью пользовался театр, располагавшийся в здании Симбирского главного народного училища. Первоначально он принадлежал помещику Н.А. Дурасову, а в 1785 г. стал общественным⁴⁹. И.А. Второв на страницах дневника не раз упоминает о посещении местных театральных представлений⁵⁰. В Саратове театральные представления давались в городской усадьбе губернатора А.Д. Панчулидзева⁵¹, который в 1810 г. открыл собственный театр на 300 мест на Хлебной площади Саратова⁵².

Их востребованность у горожан была феноменальной, а перерыв в театральных представлениях воспринимался публикой весьма болезненно. Пензенский корреспондент в начале 1810 г. сообщал столичной публике: «У нас считается два театра; но спектаклей нет. Бывший деревянный театр здешнего помещика господина Гладкова сгорел; а вместо него строится новый камен-

ный, который и выведен уже до половины. Уповательно, что строение одного следующим летом будет совсем окончено; ибо господин Гладков прилагает к тому всевозможное старание, желая доставить удовольствие публике. Что же касается до театра господина Горихвостова, ... то онный еще существует; но за болезнью некоторых актеров представления ныне вовсе прекратились»⁵³.

Аристократическая публика Пензы тяготела к театрам Кожина и Горихвостова. Чиновники, купечество, мещане, ученики гимназии и семинарии посещали театральные постановки Г.В. и В.Г. Гладковых. В 1820-е годы в театре В.Г. Гладкова имелось 25 лож на 4 и 6 мест и около 300 мест в партере, которые с успехом заполнялись на каждом представлении⁵⁴. В репертуар пензенского театра Гладковых были включены модные пьесы, комедии и оперы, шедшие на столичной сцене⁵⁵. Помимо крепостных актеров в постановках участвовали местные чиновники (столоничальник гражданской палаты) и даже семинаристы (Сахаров и Кондрагаров)⁵⁶. Следует отметить, что в целом квалификация провинциальных актеров, работавших в городах Поволжья, мало уступала профессионализму их московских коллег. П.А. Вяземский писал о пензенском театре Гладкова: «Вообще мало карикатурного... на Московском театре в сравнении столицы с Пензою ... более нелепого, чем здесь»⁵⁷.

Повсеместно и в уездных, и в губернских городах среди дворянства были распространены домашние театры. К примеру, подобный театр в Симбирске был в доме местного дворянина И.А. Жадовского⁵⁸. Информаторы газеты «Северная почта» с завидной периодичностью присылали в редакцию заметки о любительских театральных постановках, представленных губернской публике Саратова, Симбирска и Пензы. Чаще всего речь шла о благотворительных спектаклях в пользу погорельцев, бедных, инвалидов. Постановки проходили в доме дворянского собрания или на местных театральных подмостках⁵⁹. Так, в мар-

те 1810 г. симбирский корреспондент газеты отмечал: «В продолжении масленицы дано было на здешнем Дворянском театре обществом молодых людей три спектакля в пользу бедных, и собранные от того деньги поступили в приказ общественного призрения»⁶⁰. А в феврале 1814 г. житель Пензы сообщал, что «некоторые благородные особы давали в доме [пензенского] гражданского губернатора два спектакля, один в пользу инвалидов, а другой для вспомоществования жителям ... города Нижнего Ломова, потерпевшим от бывшего там пожара. При сем случае собрана 1000 рублей»⁶¹.

В дни государственных торжеств театральные представления становились частью праздничного ритуала. Так, 12 декабря 1809 г. саратовцы отмечали день рождения императора Александра I. Утром в кафедральном Троицком соборе города была отслужена литургия, на которой присутствовало «здешнее дворянство и купечество», после литургии и проповеди последовал благодарственный молебен «с возглашением многолетия Его Императорскому Величеству и всему августейшему Его Дому», далее следовал традиционный в таких случаях губернаторский обед для дворян и купечества. На вечер была отложена «увеселительная» часть праздника: иллюминация города, спектакль «в пользу одной бедной сироты» и «маскерад» в доме благородного собрания⁶².

Силами учителей и их подопечных спектакли ставились в учебных заведениях региона. Однако в 1820 г. по приказу попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого эти представления были запрещены. Впоследствии театральные кружки возобновили свою работу под пристальным вниманием учебного начальства⁶³. Пензенские гимназисты и семинаристы – завсегда и местного театра, возвращаясь на «вакации» домой, устраивали любительские спектакли, привлекая к постановкам родственников и многочисленных знакомых. Так, по инициативе В.Г. Белинского и его гимназических товарищей подобный кружок те-

атралов-любителей появился в Чембаре.⁶⁴ Однако эти представления ограничивались лишь дружеским кругом и не имели выхода на широкую аудиторию.

Таким образом, в конце XVIII - первой четверти XIX в. театр являлся неотъемлемой частью культуры досуга и развлечений чиновников, духовенства и разночинцев, проживавших не только в губернских, но отчасти и уездных городах региона. Являясь публичным искусством, он создавал условия для формирования качественно новой социокультурной среды предындустриального русского города. Саратовский корреспондент «Северной почты» отмечал: «Самая *общезительность* становится здесь время от времени приятнее и веселее. Есть у нас театр, который построен очень хорошо и вместителен для всего города»⁶⁵. Безусловно, театр, являясь институциональной формой городской культуры развлечений, был, с одной стороны, отражением общественных вкусов и ценностей, а с другой – способствовал формированию новой модернизированной культурной традиции в городах региона.

Конкуренцию театру мог составить только цирк. Посещение балаганов, цирков, выступления вольтижировщиков и фокусников были весьма распространены среди столичной публики. Даже императорская семья посещала известный балаган Христиана Лемана, построенный на масленицу на Адмиралтейской площади⁶⁶. В средневожских городах фокусников и циркачей чаще всего можно было встретить на больших ярмарках, в праздничные дни или во время дворянских выборов, когда «благородные особы» со всей губернии приезжали в столицу.

Удивительным для симбирян зрелищем стал первый запуск аэростата 23 апреля 1811 года. Симбирский корреспондент сообщал в «Северную почту»: «Пребывающий здесь иностранец Тушель доставил ей (публике. – А.Б.) сие удовольствие. ... Он поднялся с аэростатом своим в 7 часов вечера и, пролетев через большую часть города, опустился благополучно от оною не в дальнем

расстоянии. Г[осподин] Тушель предпринял такое путешествие посредством бумажного шара, и действием огня, по примеру Монгольфиера»⁶⁷. В начале XIX века жители губернской столицы могли полюбоваться выступлением акробатов на берегу озера Маришки. Артисты прыгали с высоких лестниц в воду, держа зажженные факелы в руках⁶⁸. Целую серию представлений – огненных шоу давал в Симбирске и Казани в январе 1811 г. некий «гиспанец Рожер», прозванный «несгораемым»⁶⁹.

Фейерверки и иллюминация были неотъемлемым атрибутом любого праздника. Столь экстремальные развлечения при ограниченном контингенте команды огнеборцев грозили самыми непредсказуемыми последствиями. Пожар 2 февраля 1836 г., разразившийся в знаменитом петербургском балагане Х. Лемана и унесший жизни 126 человек, был печальным подтверждением этого тезиса⁷⁰. Не обошло подобное несчастье и жителей Саратова. Во время публичных гуляний на даче губернатора Панчулидзева, в дни Казанской ярмарки, «где было значительно стечение благородных особ, купечества и простого народа», 8 июля 1825 г. иностранец Симон Броун устроил фейерверк. Во время представления на пиротехнические снаряды попали искры, в результате чего несколько ракет сдетонировало и полетело в толпу. От ранения в челюсть учитель военно-сиротского отделения Николай Цырин скончался на месте, несколько его учеников были ранены, один из которых получил тяжелые увечья. Комитет министров, обсуждая это громкое происшествие, рекомендовал поставить под государственный контроль подобного рода развлечения и привлекать к запуску фейерверков только специально обученных мастеров⁷¹.

Квинтэссенцией городских развлечений была ярмарка. Фейерверки, балаганы, воксалы, «медвежья комедия», выступления циркачей и фокусников, спектакли, балы, гостевания сменяли друг друга в немалом калейдоскопе ярмарочных событий.

Несомненно, самой знаменитой была все-российская Макарьевская ярмарка (в 1817 г., переведена в Нижний Новгород)⁷². Региональные ярмарки, проходившие в губернских и некоторых уездных городах (Саранск Пензенской губернии, Корсунь Симбирской губернии и др.), уступая ей по объему денежных средств и совершенных сделок, приближались к «Макарию» по насыщенности, количеству и разнообразию публично-зрелищных действий. Автор одного из первых травелогов И.М. Долгоруков, описывая Саранскую ярмарку, отмечал, что «между Макарьевской и Саранской ярмонок тотчас откроется разница. Та для одних торговых расчетов, другая – почти вся для удовольствия»⁷³. Не последнее место среди мужских ярмарочных развлечений занимали азартные игры. Женщинам доставляло удовольствие бесконечно рассматривать товары в лавках, каждый день быть на званых обедах и балах⁷⁴. Во время ярмарки городской ритм становился динамичнее, размеренность провинциальной жизни отходила на второй план, столь любимый провинциальным обывателем послеобеденный сон в ярмарочной кутерьме был совершенно неуместен. Свет, блеск фейерверка, разноцветные краски, голоса зазывал – атрибуты праздника заполняли все городское пространство. В.А. Инсарский писал о пензенской ярмарке: «Гулять по рядам было особенно приятно, ... все блестело... самым эффектным образом»⁷⁵.

Во время ярмарочных дней торг и обмен подспудно присутствовали во всех сферах коммуникативного взаимодействия, на что очевидно указывает описание саранской ярмарки в воспоминаниях пленного вюртембержеца Ф.Ю. Зодена: «Ярмарка продолжалась 15 дней и служила местом встреч дворянства. Это время менее использовалось для приобретения необходимых вещей. Ярмарка скорее служила местом для новых знакомств и возобновления старых. И вообще, в течение этого времени только радовались жизни. На ярмарке знакомились молодые люди. Возникали любовные

связи, которые зачастую заканчивались свадьбами»⁷⁶.

Ярмарка, являясь социокультурным феноменом эпохи, представляла собой форму социально-коммуникативной ситуации, в которой важнейшую роль выполняла игра. По словам Н.Н. Лавриновой, ярмарка становилась «своеобразной площадкой, где встречались представители разных социальных слоев и культур, происходил взаимообмен культурными ценностями и элементами, их синтез»⁷⁷.

Важнейшим способом отдохновения и вместе с тем установления новых общественных связей для провинциального дворянства и чиновничества были путешествия и посещения курортов, в первую очередь минеральных вод (Липецкие, Кавказские и др.). С 1810-х годов дворянством и чиновничеством Среднего Поволжья и Приуралья в качестве места отдыха и лечения начинают «осваиваться» Сергиевские минеральные воды. Однако их необустроенность и отсутствие каких-либо развлечений делали это место малопривлекательным для «благородной публики». Так, единственным развлечением молодой дворянки Анны Нееловой (Стрелковой), посетившей воды в 1815 г., была прогулка по окрестностям с обзором «любопытных мест» и встреча «новоприезжих посетителей»⁷⁸. Отметим, что впоследствии Сергиевские минеральные воды приобретут большую популярность. В 1840-1850-е годы сюда будут собираться до 300 дворянских и купеческих семей из Казани, Уфы, Оренбурга, Пензы, Челябинска, Самары и других городов⁷⁹.

Общественный характер развлечений относился не только к модернизированным, но и традиционным формам городской культуры, сохранявшимся как в уездных, так и в губернских городах. Подавляющее их большинство было связано с традиционным праздничным календарным циклом. К началу XIX века сакральный смысл этих действий отошел на второй план, уступив место развлекательной составляющей праздника. Повсеместно были распространены масленич-

ные забавы – гуляния, катания с ледяных гор, святочные увеселения, кулачные бои⁸⁰.

Вместе с тем бытование некоторых «общественных обрядов» и развлечений позволяет говорить об определенном отличии городской культуры развлечений не только между уездными и губернскими центрами, но и внутри одного региона. В частности, речь идет о такой народной игре, как взятие снежного городка, популярной в Самаре вплоть до середины XIX века. Ю.Н. Смирнов, изучая этот феномен, обратил внимание на локальный характер ее бытования в рамках средневожского региона. Так, в отличие от жителей Самары, симбирянам эта забава не была знакома⁸¹. Корреспондент ИРГО Г.Н. Потанин считал, что укорененность этой игровой традиции в культуре развлечений жителей Самары напрямую была связана с бунтарским прошлым города и особым характером «самарян», в которых «самая раздольная степь и простор развивали в них дух удалства»⁸². Отметим, что другие конные забавы – катание на тройках по улицам и льду рек и скачки – были повсеместно любимы горожанами. Впоследствии эти забавы переродились в один из первых институализированных видов спорта в провинции – конный.

Недостаток увеселений в обыденном распорядке жизни провинциальных городов компенсировался зрелищностью природных явлений. «Удовольствия провинции ... не требуют денег. Они созданы почти исключительно самою природою самым душевным образом», – писал В.А. Инсарский⁸³. Весной, во время половодья, горожане собирались посмотреть на бурлящие воды, летом выбирались на пикники, гуляния за городом и катание на лодках. Особенно ярко эти «сезонные» развлечения были заметны в досуговой повседневности учащих местных светских и духовных школ. Пензенские семинаристы и гимназисты нередко в погожий летний денек выпрашивали у начальства «рекреацию» – дополнительный свободный день отдыха, проводя его в лесу или на речке⁸⁴.

В большинстве уездных городов в конце XVIII - первой четверти XIX в. не существовало обустроенных рекреационных зон – общественных садов и парков, поэтому любимыми местами для гуляний были близлежащие рощи и берега рек. К примеру, излюбленным местом прогулок самарян был живописный берег реки Самары, а также урочища «Осинки» и «Дуброва», которая впоследствии стала частью сада генерала Г.Н. Струкова, а затем общественным садом Самары⁸⁵. Струковский сад был уникальным явлением для уездных городов. Разбитый в 1820-е годы напротив дома своего владельца, в 150 саженях от Волги, он стал первым публичным облагороженным рекреационным пространством в уездном городе Среднего Поволжья. В этот же период начинают формироваться общественные места для прогулок в Пензе («Верхнее гуляние», 1821 г.) и Саратове («Липки» – Александровский бульвар рядом с Троицким собором, 1825 г.). Альтернативой для саратовской публики был благоустроенный сад с беседками, столиками, аллеями, прудом на даче губернатора А.Д. Панчулидзева, куда могли попасть совершенно бесплатно все желающие. Саратовцы «находили тут продавцов мороженого и разного рода сладостей и закусок»⁸⁶. Таким образом, к концу изучаемого периода идея общественного сада, воплощенная в Северной столице в XVIII веке, постепенно начала проникать и в общественную среду средневожских городов.

В конце XVIII - первой четверти XIX в. в досуговых практиках и культуре развлечения жителей уездных и губернских городов Среднего Поволжья наблюдались очевидные различия. Это касалось как общественных, так и индивидуальных досуговых практик. Рецепция модернизированных форм досуга и развлечений являлась своеобразной формой коммуникации между разночинной и дворянской культурами, между губернским и уездными городскими сообществами. Особенно отчетливо это заимствование проявлялось в театральном искусстве, организации публичных обе-

дов, балов, танцевальных вечеров. В меньшей степени давлению европеизированной культуры подвергались музыкальные предпочтения горожан-провинциалов, на которые в чиновничьей, мещанской и купеческой среде огромное влияние оказывала эстетика православия и формы православной духовной музыки.

Укоренение модернизированных досуговых практик в городской повседневности уездных центров происходило крайне медленно. Своеобразным полем для сосуществования традиционных публично-зрелищных и модернизированных форм городской культуры развлечений выступало ярмарочное пространство. Массовые зрелищные формы (балаганы, фейерверки, театр и т.д.) получили свое коммерческое развитие, что сопровождалось усилением риска эксплуатации объектов развлекательной инфраструктуры. Подтверждением этому стали трагические происшествия в 1825 г. в Саратове и в 1836 г. в Санкт-Петербурге.

Культура развлечений жителей уездных городов была в большей степени связана с традиционным календарным циклом и религиозными праздниками, а формы досуга носили ярко выраженный коллективный, а не индивидуальный характер. Как показало изучение данного вопроса на материалах уездных и губернских центров Среднего Поволжья, при доминировании общих тенденций в развитии городской культуры развлечений в локальных городских сообществах сохранялись специфические черты в общественных обычаях и досуговых практиках. Более детально, на наш взгляд, этот вопрос представляется возможным осветить посредством изучения материалов, хранящихся в фондах НА РГО.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города: горожане, их общественный и домашний быт. М.: Наука, 1978. 328 с.; Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: конец XVIII – начало XX века. СПб.: Азбука-классика, 2004. 256 с.

- ² *Малинова-Тзиафета О.Ю.* Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860-1914). СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 336 с.; *Уварова Е.Д.* Как развлекались в российских столицах. СПб.: Алетейя, 2004. 280 с.
- ³ Развлекательная культура России XVIII – XIX в. Очерки истории и теории. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 6.
- ⁴ *Мальшева С.Ю.* Праздничный день, досужий вечер: культура досуга российского провинциального города второй половины XIX – начала XX в. М.: Acabemia, 2011. 191 с.
- ⁵ *Бурлуцкая (Банникова) Е.В.* Цирк и театр в досуговой повседневности провинциального уральского купечества // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2014. № 1 (121). *Кострикина О.А.* Повседневный досуг провинциального горожанина в первой половине XIX века (на примере малых и средних городов Ярославской губернии). URL: <http://old.museum-murom.ru/nauch-rab/uv-ar-vii/povsednevnyu-dosug-provincialnogo-gorozhanina> (Дата обращения 02.02.2022); Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин, Н.В. Зорин, А.П. Каплуновский, Е.В. Ключина, Л. Хэлфнер. Ульяновск: Средневожский научный центр, 2000. 693 с.; *Черничкина В.А.* Светские новшества в городской праздничной культуре российской провинции в последней трети XVIII – первой половине XIX в. URL: http://www.rusnauka.com/30_NNM_2010/Istoria/73279.doc.htm (Дата обращения: 02.02.2022).
- ⁶ *Куприянов А.И.* Праздничные общественные обряды и развлечения городского населения Западной Сибири в первой половине XIX века. // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. С. 23-33.
- ⁷ *Смирнов Ю.Н.* «Взятие снежного городка» на Волге: самарский вариант в истории зимней народной игры // Центр и периферия. 2017. № 2. С. 87-101.
- ⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 163. Д. 5,6,7; Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 93. Оп.1 Д. 17, 18, 24; *Мешков И.И.* Записки И.И. Мешкова, чиновника Саратовской и Пензенской губерний, в царствование императора Александра и Николая Павловичей // Русский архив. 1905. № 6. С. 177-242; *Вигель Ф.Ф.* Записки: в 2 т. М.: Юрайт, 2019. Т.1. 332 с.; *Инсарский В.А.* Половодье: Картины провинциальной жизни прежнего времени. СПб.: Тип. Второго отделения С.Е.И.В.К., 1875. 493 с.; *Попов К.И.* Записки о Саратове К.И. Попова // Саратовский край. Вып.1. Саратов: Саратов. общ-во вспомоществования нуждающимся литераторам, 1893. С. 155-236.
- ⁹ *Свербеев Д.Н.* Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799 -1826). В 2 т. М.: Изд. Софьи Свербеевой, тип.-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1899. Т.1. 525 с.; *Долгоруков И.М.* Журнал путешествий из Москвы в Нижний 1813 года. М., 1870. 122 с.
- ¹⁰ *Зоден Ф.Ю.* Воспоминания вюртембергского офицера о его пребывании в плену в Пензенской губернии. Пенза: ПГПУ, 2006. 64 с.
- ¹¹ Россия конца XVIII – середины XIX вв. глазами провинциальной дворянки Анны Стрелковой: публикация, источниковедческий анализ и комментарии мемуаров: В 2-х т./ Прохорова Н.Ф. и др.; под науч. ред.М.В. Астахова. Самара: «Медиа-книга»; ООО «Книжное издательство», 2017. Т.1. 268 с.; Т.2. 224 с.
- ¹² Научный архив Русского географического общества (НА РГО). Разряд 34. Оп. 1. Д. 15, 19.
- ¹³ *Артамонова Л.М.* Рукописи Г.Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» – замечательные памятники «локальной истории» середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. XV. № 5. С. 229-237; *Смирнов Ю.Н.* Ретроспективный анализ в жанре устной истории бесед с жителями дореформенного русского города // Вестник СПбГУ. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 361-377.
- ¹⁴ Российский государственный исторический архив (Далее - РГИА). Ф. 1286. Оп. 3 (1825 г.). Д. 10. Л. 1, 4-4об, 8 об.; Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Т. 1. Д. 138. Л. 1; Д. 398. Л. 73-80 об.
- ¹⁵ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т.1.С. 481; *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка/ Под науч. ред. С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1871. С. 130.
- ¹⁶ *Кострикина О.А.* Указ. соч.
- ¹⁷ *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Указ. соч. С. 379.
- ¹⁸ Россия конца XVIII – середины XIX в... Т. 2. С. 39.
- ¹⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Далее - ОР РНБ. Ф. 163. Д. 5. Л. 5.
- ²⁰ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 5. Л. 16.
- ²¹ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 18. Л. 15, 26.
- ²² *Мешков И.И.* Указ. соч. С. 187.
- ²³ ОР РНБ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.
- ²⁴ Российский государственный архив литерату-

- ры и искусства (Далее - РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.
- ²⁵ Научный архив русского географического общества (Далее - НА РГО). Р. 34. Д. 15. Л. 48 об.
- ²⁶ *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 266.
- ²⁷ *Попов К.И.* Указ. соч. С. 172.
- ²⁸ *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 349- 350.
- ²⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2 (1821 г.). Д. 109. Л. 1.
- ³⁰ Положение о гостиницах, ресторациях, кофейных домах, трактирах и харчевнях во всех губернских, портовых и уездных городах 14 марта 1821 г. Б. м., 1821. 16 с.
- ³¹ *Штер М.П.* Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. СПб.: Тип. Ивана Глазунова, 1829. С. 2-89.
- ³² РГИА. Ф. 1286. Оп. 2 (1812 г.). Д. 133. Л. 6.
- ³³ *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 371-374.
- ³⁴ ОР РНБ. Эрм. 885. Д. 246. Л. 10 -37 об.
- ³⁵ НА РГО. Р. 34. Д. 15. Л. 46-47.
- ³⁶ Письма графа М.М. Сперанского к его дочери // Русский архив. 1868. № 7, 8. С. 1107.
- ³⁷ *Майорова А.С.* Русская культура в Саратовском Поволжье в конце XVIII – первой половине XIX века. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2015. С. 201.
- ³⁸ *Пишчевич А.С.* Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная. 1764-1805. М., 1885. С. 159.
- ³⁹ Национальный архив Республики Татарстан (Далее -НА РТ). Ф. 92. Оп.1. Д. 1859. Л. 12-13.
- ⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 80. Л. 8.
- ⁴¹ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 81. Л. 10.
- ⁴² *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 105.
- ⁴³ *Иванов Д.П.* Сообщения при чтении «Биографии Белинского» А.Н. Пыпина // В.Г. Белинский. Письма / Под ред. Е.А. Ляцкого. В 3-х т. СПб., 1914. Т. III. С. 435.
- ⁴⁴ *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 110.
- ⁴⁵ *Бирюкова А.Б.* Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2009. С. 32.
- ⁴⁶ Пензенская энциклопедия/ Гл. ред. К.Д. Вишневский. М.: Большая рос. энцикл., 2001. С. 605.
- ⁴⁷ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 138. Л.1; *Дьяконов В.* Лицедеи, певчие и музыканты. Из истории саратовских театров. Саратов, 1991. С. 56; *Молебнов М.* Пензенский крепостной театр Гладковых. Пенза, 1955. С. 32; *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 162.
- ⁴⁸ *Гриценко Н.П.* Очерки по истории г. Симбирска-Ульяновска и Ульяновской области: в 2 ч. Ульяновск, 1948. Ч. 1. С. 62; *Мартынов П.Л.* Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск: Симбирск. губ. учен. арх. комиссия, 1898. С. 198-199.
- ⁴⁹ Ульяновская – Симбирская энциклопедия: в 2-х т. / Ред.-сост. В.Н. Егоров. Ульяновск: Симб. Кн., 2004. Т.2. С. 321.
- ⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 18. Л.13.
- ⁵¹ *Попов К.И.* Указ. соч. С. 166.
- ⁵² *Дьяконов В.* Указ. соч. С.69.
- ⁵³ Северная почта. 1810. 12 февраля. № 30.
- ⁵⁴ *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 209; *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 256; *Иванов П.Д.* Указ. соч. С. 434.
- ⁵⁵ *Молебнов М.* Указ. соч. С. 27- 35; ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 398. Л. 74-80 об.
- ⁵⁶ *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 256.
- ⁵⁷ *Вяземский П.А.* Записные книжки // Пензенский временник любителей старины. 1991. Вып. 5. С. 6.
- ⁵⁸ *Де-Пуле М.Ф.* Отец и Сын // Русский архив. 1875. Т. 117. № 5-6. С. 183.
- ⁵⁹ Северная почта. 1810. 1 января. №18. 19 марта. № 40, 24 сентября. № 94; 1811. 13 мая. № 38. 1819. 3 марта. № 19.
- ⁶⁰ Северная почта. 1810. 19 марта. № 40.
- ⁶¹ Северная почта. 1814. 9 марта. № 18.
- ⁶² Северная почта. 1810. 1 января. № 18.
- ⁶³ *Бирюкова А.Б.* Указ. соч. С. 243.
- ⁶⁴ *Иванов Д.П.* Указ. соч. С. 437-438.
- ⁶⁵ Северная почта. 1810. 12 февраля. № 30.
- ⁶⁶ *Дмитриев Ю.* Цирк в России: от истоков до 1917 г. М., 1977. С. 93.
- ⁶⁷ Северная почта. 1811. 17 мая. № 39.
- ⁶⁸ *Бирюкова А.Б.* Указ. соч. С. 248.
- ⁶⁹ Северная почта. 1811. 24 января. № 8.
- ⁷⁰ *Некрылова А.Н.* Указ. соч. С. 211.
- ⁷¹ РГИА. Ф. 1286. Оп.3 (1825 г.). Д. 10. Л. 1, 4-4об, 8 об.
- ⁷² Россия конца XVIII – середины XIX в. Т. 1. С. 167-166; *Долгоруков И.М.* Указ. соч. С. 52.
- ⁷³ *Долгоруков И.М.* Указ. соч. С. 52.
- ⁷⁴ *Долгоруков И.М.* Указ. соч. С. 52-54.
- ⁷⁵ *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 227.
- ⁷⁶ *Зоден Ф.Ю.* Указ. соч. С. 19-20.
- ⁷⁷ *Лавринова Н.Н.* Социальные аспекты ярмарки в пространстве городской культуры// Неофилология. 2020. Т.6. № 21. С. 178.
- ⁷⁸ Россия конца XVIII- середины XIX в. ... Т. 1. С. 142.
- ⁷⁹ *Бирюкова А.Б.* Указ. соч. С. 250.
- ⁸⁰ Там же. С. 246-247.
- ⁸¹ *Смирнов Ю.Н.* Взятие снежного городка на Волге... С. 99.
- ⁸² НА РГО. Р. 34. Д. 15. Л. 25.
- ⁸³ *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 450.
- ⁸⁴ *Иванов Д.П.* Указ. соч. С. 435.
- ⁸⁵ НА РГО. Р.34. Д.15. Л. 27 об.
- ⁸⁶ *Попов К.И.* Указ. соч. С. 169-179.

LEISURE AND ENTERTAINMENT OF THE URBAN POPULATION OF THE MIDDLE VOLGA REGION AT THE END OF THE XVIII – THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURIES

© 2022 A.B. Biryukova

Samara State Technical University

The article is devoted to the study of leisure practices and entertainment culture of the urban population of the Russian province in the late 18th – the first quarter of the 19th centuries on the materials of the Middle Volga region. The author argues that the choice of forms of leisure was determined by the affiliation of the city dweller to a certain social, gender and age group, as well as the sociocultural community with which he identified himself. Attention is paid to both modernized and traditional forms of leisure and entertainment.

Keywords: city, Middle Volga region, leisure practices, entertainment culture, theater, circus, fairs, choral singing, ball, recreational areas, drinking houses, fireworks.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-2-5-17